

Действия Мефистофеля во время классической Вальпургиевой ночи напоминает поведение ребенка из глухой провинции, впервые попавшего на многолюдное гуляние в шумном городе и в этом вихре потерявшего родных. Он чувствует себя брошенным: вокруг – одни незнакомые, чужие лица, чтоб хоть как-то освоиться, он вынужден допытывать расспросами на половину очаровательных дам-сфинксов о появляющихся существах (сиренах, стимфалийских птицах, лирнейской гидры и ламиях). Веселые развлечения ему не в радость, тоска по родному дому овладевает всеми чувствами, к тому же местные не жалуют чужака, а стараются над ним подшутить. Так ламии (женщины-вампирь) заигрывают с Мефистофелем, кокетничают, увлекают за собой, и как только он следует за ними и пытается обнять, они исчезают, превращаются в вещи, а в завершении взмывают вверх стаей фурий. Комичность всего происходящего усиливается тем, что, в конце концов, враг рода человеческого сбивается с пути и, забившись среди камней, восклицает: «Где же я, наконец? Как отсюда выбраться? Вместо прежней дороги какой-то хаос. Шел отсюда ровной тропинкой, а теперь теряюсь в обломках, напрасно карабкаюсь то вверх, то вниз» [1, с. 215].

Парадоксальность и одновременно абсурдность злключения Мефистофеля заключается в том, что, согласно средневековой христианской традиции, его собратья, бесы, чувствовали себя гораздо увереннее и свободнее внутри церковных стен во время службы: весело прыгая, забавляясь, щекоча монахов, издавая непристойные звуки. Причины, заставившие Гете столь серьезно обессилить Мефистофеля, лишив его даже возможности разглядеть сон Фауста, в котором тот после сеанса прикладной магии с вызыванием теней Елены и Париса созерцал Леду и Зевса, принявшего вид лебедя, не представляют собой загадки. Веймарский «олимпиец» приложил максимальные усилия, чтобы вырвать столь дорогую для него античность из-под власти сатаны, получившей в христианской картине мира в полное распоряжение практически все наследие Эллады (за исключением диалогов Платона и Сократа с даймоном) вместе с богами в качестве бесов.

На первый взгляд, Гете осуществляет поставленную задачу, заставляя Мефистофеля запутаться в хитроумных переплетениях коридоров классического лабиринта. В то же время после того, как Мефистофель на Фарсальских полях почувствовал себя не в «своей тарелке» и показал абсолютную неосведомленность в вопросах античной мифологии, легко верится в действительность существования запрета на язычество для чертей. И тогда любопытство Мефистофеля об особенностях греческого ада и характеристиках античного топлива для котлов, в которых томятся грешники [1, с. 217] выходит за рамки иронического замечания, приобретая статус вопроса о космологии мировой истории. Под столь странно звучащим словосочетанием условимся понимать совокупность представлений об историческом бытии, осознаваемом в двух разномасштабных планах: во-первых, в плане непосредственно историческом, наполненном суетой фактов,

преходящими и профанными явлениями и, во-вторых, в плане сакрального мироустройства, возвышающего событиями трансцендентными, вневременными, играющими решающую роль в судьбах не человека, но мироздания. Данные оба плана оказываются тесно переплетенными вследствие включенности первого во всей быстротечности в глобальную драму, проходящую в рамках второго, что придает новые высшие смыслы всей структуре.

Космология, созданная пером Гете, не только противоречит традиционным христианским небесам, но и является уникальным прецедентом в сотворении символики культур. Придавая онтологический статус экзистенциальному обещанию о воздаянии каждому по его вере, великий немец погружается в хаос, где сосуществуют все возможные миры: бунтующий Эхнатон встретится с Атоном, Вивекананду ждет восхождение во владения Ямы, Эрик Рыжебородый отправится в Вальхаллу, Берлиоз уйдет в небытие, а Ахилл с Еленой проведут вечность на Елисейских полях.... Таким образом, автор «Фауста», иногда посмеивающийся над односторонностью и безжизненностью схоластических построений, забывает совет Оккама и совершает ошибку «умножения сущностей», удваивая место пребывания душ посредством признания, по крайней мере, в мире трагедии, наличия наряду с христианским Раем и Адом царства теней, где правит брат Зевса Аид.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гете, И.-В. Фауст / И. -В. Гете. – СПб., 1902. – 362 с.

Болотова О. В.

(ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»)

LANGUE FRANÇAISE ET LANGUES DE FRANCE

Aujourd'hui, avec le renouveau du terroir en France, c'est toute une culture régionale qui refait surface, drainant avec elle ses langues d'autrefois. Il y a un peu plus d'un siècle, l'unification linguistique de la France n'était pas effective. L'Hexagone était parsemé de «parlers locaux», qui disparurent peu à peu avec l'arrivée de l'école «tout en français».

Un «pays», un terroir, c'est aussi une langue. Autrefois, chacun de ces petits «pays» qui composaient la France avait son parler, qui était le plus souvent une des nombreuses variantes de langue pratiquées à l'échelle de la région, comme le breton, l'alsacien, l'occitan. C'étaient des langues de communication du quotidien, des échanges de la vie familiale, des activités villageoises, la langue de la famille, la langue du travail, la langue qui transmettait les contes à la veillée, et ce jusqu'à ce que l'Assemblée constituante pendant la révolution de 1789 décrète l'unité de langue dans le pays). Malgré cette décision le français était le plus souvent inconnu des paysans. L'école, l'exode rural, l'apparition des

nouveaux médias, le développement des réseaux de communication ont mis à mal la plupart d'entre elles et, en quelques générations, la pratique en a presque totalement disparu dans de nombreuses régions.

Elles ont été également victimes d'une stigmatisation systématique: les gens de la ville, comme les autorités administratives ne parlaient du reste pas de langues régionales, mais de patois. C'est l'école de la République qui sera l'instrument de l'imposition généralisé du français et donc, de l'éradication progressive des langues régionales, les lois Jules Ferry de 1882 obligeant l'ensemble de la population à apprendre à lire et à écrire le français. On se souvient des pancartes affichées dans les salles de classe proclamant l'interdiction «de cracher par terre et de parler breton» et de la punition du «symbole», variante du bonnet d'âne, qui consistait à faire porter autour du cou de l'enfant pris en flagrant délit linguistique une pièce de bois. L'école, puis le service militaire, instruments de l'intégration de tous à la nation, contribuèrent à reléguer les langues régionales au rang de survivance d'un passé révolu.

Certaines de ces langues d'ailleurs étaient bien loin de l'image dévalorisante dont on les qualifiait: à titre d'exemple, l'occitan donna naissance, au Moyen Âge, à une poésie délicate en vogue dans toute l'Europe, et qui célébrait le *fin amor*, l'amour courtois, et dans un autre ordre d'idée, des langues comme le basque, l'alsacien ou le catalan avaient une dimension transfrontalière et constituaient des vecteurs d'échanges au-delà des limites de l'Hexagone.

Au ^{xx} siècle, le français s'imposa. Les adultes d'aujourd'hui se souviennent encore d'avoir eu des grands-parents qui parlaient entre eux breton, picard ou savoyard, et si certains en comprennent quelques mots, la plupart sont bien incapables de la parler. Avant 1930, une personne sur quatre parlait une langue régionale avec ses parents, il n'y en a plus qu'une sur dix en 1950 et qu'une sur vingt en 1970. Si la pratique diminue chez les enfants d'aujourd'hui, et parfois disparaît, elle se maintient encore en Corse et en Alsace, dans les Pyrénées et en Bretagne.

Mais c'était compter sans la dynamique interne de certaines de ces langues et la résistance de quelques irréductibles Gaulois, décidés à ne pas laisser périr leur patrimoine culturel. Dès le ^{xix} siècle, des intellectuels et des artistes enracinés dans leur terroir se portent au secours de la langue et réussissent à leur donner un nouveau souffle: c'est ce qui donnera naissance au mouvement des félibriges dans le sud de la France, en Provence, avec à sa tête l'écrivain Frédéric Mistral qui s'attachera à doter sa langue de dictionnaires, de grammaire et en fixera l'orthographe.

Depuis les années 1970, la donne a changé. Les autorités scolaires et administratives ne parlent plus de «patois». Le statut de langue régionale est unanimement reconnu. Les langues régionales sont enseignées à l'école, figurent dans les épreuves du baccalauréat et il existe même des diplômes universitaires et un CAPES préparant à leur enseignement. Par ailleurs des écoles privées ont fleuri sur tout le territoire qui proposent un enseignement bilingue, comme les écoles associatives bretonnes qui pratiquent l'enseignement de la langue par immersion.

Un des effets de ces dispositions sur l'enseignement des langues régionales dans le système public fut leur extension aux territoires d'Outre-mer, où les langues locales continuent d'être parlées par l'ensemble de la population.

Une polémique est née du fait que la France n'est pas signataire de la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires qui propose une série de dispositifs pour assurer la défense de toutes les langues parlées dans l'espace européen, qu'elles soient régionales, historiquement ancrées dans une région donnée ou qu'il s'agisse de langues parlées par les communautés émigrées implantées dans les pays membres. La raison en est que cette disposition contredisait l'Article 1 de la Constitution ou nécessitait une nouvelle rédaction de cette dernière.

Cependant, la politique linguistique de la France s'inscrit dans le cadre européen et établit ses critères de définitions des langues régionales en l'adaptant de la Charte. Il ne faut pas oublier non plus l'important corpus juridique réglementant les langues de France, tant pour leur enseignement que pour leur présence dans les médias, et ce à échelle nationale et internationale.

ЛИТЕРАТУРА

1. Charte européenne des langues régionales ou minoritaires Strasbourg, 29 juin 1992. – изд.: Книга по требованию, 2011.
2. https://fr.wikipedia.org/wiki/Langues_r%C3%A9gionales_ou_minoritaires_de_France
3. <https://www.bonjourdefrance.com/exercices/contenu/les-langues-regionales-en-france.html>

Вдовенко В. С.

(ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»)

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Решетарова И. В.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Современное общество невозможно представить себе без существования в нём рекламы. Каждый день мы подвергаемся её влиянию. Реклама информирует нас о новинках в самых разных сферах нашей жизни, включая медицину, технику, продукты питания и многое другое.

Рекламный слоган – один из основных структурных элементов, который широко используется в рекламном тексте.

Сегодня слоган – это спрессованная суть рекламной концепции, запоминающаяся и доведённая до лингвистического совершенства. Главная цель слоганов – выделить бренд, фирму или продукцию среди конкурентов, воздействуя на человеческое сознание, а чаще – на подсознание [2, с. 194].